

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ (СЕРБСКИЙ ОПЫТ XX В.)

В отечественной науке термин «государственное управление» окончательно не определен. «Общим местом» для исследователей является его противопоставление государственной (или общественной) политике¹. Отмечается, что для реализации выработанного политического курса органы государственной власти применяют различные средства, в том числе экономические и идеологические². Роль последних недостаточно изучена. Так, если использованию мифов и стереотипов в политической борьбе посвящена обширная литература, то государственное администрирование посредством манипулирования общественным сознанием значительно реже заслуживает внимания ученых.

Социальный психолог С.А. Зелинский рассматривает миф как «управление реальностью»: «...мифы, находясь и базируясь исключительно в бессознательном, оказывают самое непосредственное влияние на поведение современного человека. Задействуя, быть может, какие-то тайные механизмы его души, находя какие-то рычажки управления (взаимодействуя с его бессознательным), и когда подобное происходит – можно говорить о том, что пусть как-то и неосознанно... человек совершает те или иные поступки, делает тот или иной выбор... И тот, в руках кого находятся подобные «рычаги» управления бессознательным (например, как через использование уже существующих мифов, так и с помощью формирования каких-либо новых) – получает возможность манипуляции, или управления. Управления другими людьми»³. В новейшее время почти каждый политический курс должен быть подкреплен мифологически. Это касается не столько процесса его разработки и провозглашения, сколько реализации. Роль мифов усиливается в кризисные периоды⁴. Воплощение программ этнонациональных движений никогда не обходится без мифотворчества. В конце XX – начале XXI в. события развивались так на постсоветском и постюгославском пространствах, во время войны в Чечне, межэтнических столкновений в Боснии и Герцеговине, Грузии, Азербайджане, Бурунди, геноцида 1994 г. в Руанде и т.д.⁵ Осуществляя в 1993–1995 гг. политику вмешательства в югославский конфликт правительство США поддерживало кампанию «сатанизации сербов» в западной прессе⁶.

Сербский опыт использования мифов в государственном управлении довольно интересен. Косовский миф – представление об избранности сербского народа, который в битве с турками 1389 г. на Косовом поле предпочел потерять земное царство и выбрать Небесное, – в тех или иных формах присутствует в сербской культуре и общественном сознании с эпохи средневековья. С начала XIX в. он активно используется националистами. Объяснений этому феномену немало. Д. Томазику, исследующему проблемы в рамках концепции Т. Адорно и прозванному «Вебером коммунизма» и «Токвилем славян», сербский обыватель представляется авторитарным типом личности, а потому склонным к иллюзии и «беспорядочному видению мира»⁷. М. Готтфрид рассматривает Косовский миф как средство культурного самосохранения сербского народа в условиях постоянной борьбы⁸.

После обретения Сербским княжеством независимости в 1878 г. его внешнеполитический курс имел целью создание Великой Сербии – государства с выходом к морю, которое должно было объединить в своих границах весь сербский народ, проживающий

в то время на территории Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, турецкого вилайета Косова, триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии в составе Австро-Венгрии⁹. Задача осталась актуальной в начале XX в. и провозглашалась лидером Народной радикальной партии, премьер-министром Николой Пашичем. Сербия и Болгария заключили 13 марта 1912 г. договор о дружбе и союзе с Болгарией, по которому последняя признавала права Сербии на Косово и Новопазарский санджак¹⁰. Для достижения поставленной цели, мобилизации армии и православного населения на территориях, которые предстояло «освободить», сербская государственная власть использовала Косовский миф. Принимая командование Первой сербской армией перед началом Балканской войны 5 октября 1912 г. престолонаследник Александр Карагеоргиевич призвал солдат «освободить единокровных братьев» и отомстить за поражение на Косовом поле¹¹. Вступив на место средневекового сражения, сербские войны отслужили торжественную панихиду, на которой командир Третьей армии генерал Божа Янкович произнес памятную речь в честь князя Лазаря, воеводы Милоша Обилича и других «героев Косово»¹². После решающей на сербско-турецком фронте битвы при Куманово (23–24 октября) престолонаследник поблагодарил бойцов за то, что они «разбили сильную турецкую армию», «отомстили за скорбное Косово» и «освободили братьев от пятивекового турецкого ига»¹³. Целям пропаганды отвечало и награждение отличившихся участников войны медалью Милоша Обилича – легендарного сербского героя, который обманом проник в шатер султана и заколол его перед битвой¹⁴.

Создание Косовского мифа возымело действие. Солдат сербской армии писал в своем дневнике: «Один звук этого слова – Косово – вызывает неопишное возбуждение... Души Лазаря, Милоша и всех косовских мучеников пристально смотрят на нас. Мы чувствуем себя сильными и гордыми, ибо мы – поколение, которое осуществило многовековую мечту всей нации: именно мы с мечом возвратили свободу, с мечом потерянную»¹⁵. Вслед за сербской армией в Косово устремились родственники бойцов в надежде «хоть что-нибудь увидеть», не дожидаясь, «когда напишут в газетах»¹⁶. Сербский военный журналист отмечал в письмах: «Перед нами расстилается Косово поле. Косово поле, которое вновь сербское. Разве я могу вам описать то чувство, которое охватило в тот момент мою душу?! Это невозможно выразить»¹⁷. Несмотря на то что в Косово к началу XX в. доминировали албанцы, его захват был легитимирован в общественном сознании благодаря мифу. Сербское правительство могло даже претендовать на земли северной Албании с крупным адриатическим портом Дурреса¹⁸, ведь они входили в состав средневекового сербского царства Стефана Душана, конец которому согласно мифу положила битва на Косовом поле¹⁹.

С началом Первой мировой войны правящая элита Сербии провозгласила политику борьбы за «освобождение и объединение всех... поработанных братьев сербов, хорватов и словенцев». Н. Пашичем была составлена Нишская декларация, опубликованная правительством 7 декабря 1914 г.²⁰ Идея очень напоминала проект воссоздания державы Душана в границах от греческого Эпира до Дуная. Фактически речь шла не о федерации югославянских народов, а о Великой Сербии во главе с династией Карагеоргиевичей. Мифологически обоснованный концепт поддержало население Сербии. Из всех политических сил только социал-демократы продолжали выступать за балканскую федерацию равноправных республик²¹.

Уже поступок Гаврилы Принципа, ставший предлогом для начала великой войны, был символичен. На Видовдан – годовщину битвы с турками на Косовом поле – террористы дали бой новым претендентам на «сербские земли» – австрийской династии.

После объявления войны Австро-Венгрии 29 июля 1914 г. Александр Карагеоргиевич подчеркнул: «...серб способен пожертвовать собой ради отечества и подобно Обиличу защитит его перед лицом многочисленного и надменного врага»²². Престолонаследник не ошибся. На полях Первой мировой сербские солдаты «сделали намного больше, чем сами славные витязи старого Немани и Душана»²³. Королевство сербов, хорватов и словенцев превзошло по территории Царство Стефана Сильного. Для распространения Косовского мифа использовались ресурсы органов власти. В 1914 г. в государственной типографии вышла из печати «Сербская история для народа» учителя М. Йовича²⁴. В изложении был активно использован народный эпос с его героизацией прошлого. История представлена как вековая борьба за свободу и восстановление прежней государственности. Король Петр, продолжая путь средневековых героев, освобождает в 1912 г. «Старую Сербию» (Косово)²⁵. Государство стремилось контролировать мысли не только простого населения, но и прежде всего армии. Находясь в эмиграции и лишившись поддержки исторической союзницы – России, в 1917 г. сербская элита имела в своем распоряжении только военный козырь. В июле 1918 г. председатель Сербской королевской академии Йован Жуйкович провел беседу на тему «Отечество» с инвалидами в военном лагере Франшвилла во Франции. Крупный чиновник от науки, внушая надежду на возрождение государства, сравнил современное ему порабощение Сербии с положением дел после битвы на Косовом поле, а погибших в 1914-1918 гг. с «видовдаными героями»²⁶. Эффективно используя давно проверенное средство – миф, – элита добилась реализации избранного политического курса и принципиально выиграла в двух направлениях: 1) народные массы не смущали огромные потери в войне и продолжительная эмиграция правительства, 2) решение Народного собрания Сербского народа в Черногории от 13 ноября 1918 г. «воссоединило» эту страну с Сербией, а позднее превратило в составную часть Королевства сербов, хорватов и словенцев. Черногорцы, ссылаясь на опыт совместной государственности в средние века, восприняли сербскую идентичность.

Королевство сербов, хорватов и словенцев, официальной доктриной которого стал югославизм, нуждалось в историческом обосновании. В этих условиях государственные служащие пытались превратить Косовский миф из сербского в общегославский. В 530-ю годовщину сражения 28 июня 1919 г. согласно акту школьной инспекции ученикам *черногорских* школ были прочитаны лекции «о значении Видовдана для *сербского* (выделено мной. – М.Л.) народа»²⁷. Региональные власти Боснии и Герцеговины выделили субсидию преподавателю Торговой академии в Сараево Василию Поповичу – автору «Обзора истории сербов, хорватов и словенцев»²⁸. Среди прочего он предполагал осветить «наибольшее государственное могущество Сербии при Неманичах», рассказать о народном эпосе²⁹. Министерство просвещения королевства участвовало в организации празднования Видовдана в Белграде и на местах³⁰. В качестве учебника для средней школы была рекомендована «История средних веков» М. Прелога, который пытался удревнить политическое сотрудничество югославянских народов и представить Косовский бой как коалиционную борьбу сербов (Лазарь, Вук Бранкович), боснийцев (Влатко Вукович) и хорватов (Иваниш Хорват) с турками³¹. В искусстве подобные взгляды выражал хорватский архитектор Антун Августинчич. В 1936 г. по поручению властей он спроектировал монумент на Косовом поле³².

Югославизм получил дальнейшее развитие во Второй Югославии (1945–1992). Лозунг «братства и единства» оставался в преамбулах всех конституций, активно поддерживался И. Брозом Тито³³. Косовское наследие предлагали рассматривать

как общееюгославское. Именно такой подход мог нейтрализовать один из самых стойких сербских националистических мифов и поспособствовать реализации политики межэтнической консолидации.

Уже в 1947 г. только что организованное Историческое общество народной республики Черногории по указанию Комитета школьного образования и науки при правительстве ФНРЮ разработало программу для средних школ. Черногорское прошлое должно было быть увязано с судьбами всех южных славян и включать в себя сербо-турецкое столкновение 1389 г.³⁴ Мысли о совместном участии сербов, хорватов и боснийцев в битве содержались в «Истории народов Югославии», создающей общенациональную концепцию прошлого³⁵. Новую интерпретацию Косовской битвы предложили литература и живопись, и прежде всего члены Сербской академии наук и искусств (САНУ). В рассказе «Гавран и Косовка» сербского писателя из Боснии Бранко Чопича черногорская партизанка, стройная фигура и каждое движение которой «излучали какое-то волнующее очарование старинных песен и напоминали о... несчастной девушке с Косова», оплакивает после боя под Бобаревой капой не православных ратников, а полюбившегося босняка Гаврана³⁶. «Косовский бой» Любомира Симовича проникнут идеями европейской общности. В драме 1988 г. князь Лазарь решает противопоставить свое войско османскому, которое султан Мурад направил на покорение Европы. Итог сражения остается неопределенным: Лазарь и Мурад погибают. Тем не менее для Европы это победа, ибо Сербия грудью своих героев защищает христианскую цивилизацию. Новаторским было введение в повествование рядовых персонажей: торговцев овощами, рыбаков, водоносов. Оно уравнивало героиню Косовского мифа. К 600-летию битвы известный сербский режиссер Здравко Шотра снял по произведению одноименный фильм. В начале 1950-х гг. черногорский живописец Петар Лубарда экспрессионистски интерпретировал битву на Косовом поле в серии одноименных фресок. Абстракционист Младен Србинович циклом мозаик «Во славу Крушеваца» (1970), «Лазарь» и «Лазарица» (1970–1971) пропагандировал идеалы гуманизма, а совсем не сербскую национальную идею³⁷. Пропаганда югославизма проходила довольно успешно: по переписи 1981 г. в стране насчитывался 1 млн. 200 тыс. «югославов» (5, 4 %), уровень межэтнического напряжения оставался низким³⁸. Свою роль в реализации политического курса Союза коммунистов Югославии сыграла умелая интерпретация сербского национального мифа.

С началом общеполитического кризиса в Югославии и обострением межэтнических отношений Косовский миф вновь стал работать на программу сербского национализма. В 1989 г. с его помощью пришел к власти в Сербии Слободан Милошевич, провозгласивший своей целью отмену автономии Косово и защиту сербских интересов в крае³⁹. На Видовдан он произнес свою знаменитую речь на Косовом поле, в которой представил сербов извечными освободителями и демократами, подчеркнув, что они «вновь вовлечены в битвы». Сохранению единой Югославии, по мысли С. Милошевича, как и шесть столетий назад препятствовали несогласие и предательство⁴⁰. Это был намек на сепаратистские настроения в других югославских республиках и автономных краях. Политический курс президента поддерживался САНУ. В 1991 г. четвертый том «Иллюстрированной истории сербов» (сербско-английская билингва) вышел в Белграде под заглавием «Гибель сербского царства», позаимствованным из средневековых эпических песен⁴¹. Академия начала работу над проектом «Европа и сербы в Средние века» под руководством Й. Калич. Был организован Комитет изучения Косово и Метохии⁴². Печатались источники и научная литература о событиях в Сербии второй половины XIV в., были переизданы труды старшего поколения историков⁴³. Битва за

Косово в научных кругах продолжилась в течение 1990-х и 2000-х гг. За это время из-под пера сотрудников САНУ вышло множество диссертаций, книг и статей общим объемом в 11041 страницу с целью доказать историческое право сербов на южный край⁴⁴.

Еще большую службу сослужил Косовский миф сербским национальным лидерам в Боснии и Герцеговине. Политическое руководство Сербской республики БиГ провозгласило ее государством сербского народа и потребовало международного признания. Не признавая независимой и тем более унитарной Боснии, оно стремилось присоединиться к Сербии или хотя бы добиться разграничения национальных образований сербов, хорватов и боснийцев-мусульман «во всех сферах» (экономической, политической, духовной)⁴⁵. С такими целями велась война 1992-1995 гг. СМИ представляли битву на Косовом поле 1389 г., геноцид сербов на территории Боснии и Герцеговины во время Второй мировой войны и современные боевые действия как проявление сербской жертвенности и продолжение многовековых страданий.

Армейское руководство пользовалось Косовским мифом для мобилизации солдат. После возвращения со снайперской позиции в районе Сараево один из них отмечал: «До конца лета мы выдавим турецкую армию из города так же, как они нас выдавили с Косова поля в 1389 г. Тогда началось турецкое господство над нашими землями, теперь оно закончится после всех этих ужасных столетий». Осаждая и варварски бомбардируя столицу сербские военные ассоциировали боснийских мусульман с турецкими завоевателями⁴⁶. В условиях весьма распространенного в Войске Республики Сербской дезертирства (на Сараевском фронте в 1994 г. насчитывалось 14 тыс. лиц, уклонившихся от службы либо дезертировавших) значение мифов для поддержания боевого духа было ощутимым⁴⁷.

Таким образом, формулирование и воплощение политического курса требует сегодня и мифологической аргументации. Сербский опыт показывает, что умелое использование национальной мифологии в государственном управлении может служить как межэтнической консолидации, так и размежеванию, как осуществлению государственной политики в условиях мира, так и мобилизации населения на войну. Современные мифы работают на реализацию самых различных политических программ. Успешность их воплощения зависит от компетентности политиков и управленцев, знания ими национальных традиций и умения пользоваться мифологическими «рычагами» управления социумом. Конструирование, реконструкция и деконструкция социальной реальности с помощью мифов может осуществляться правительством посредством СМИ, системы образовательных и культурных учреждений, академических институтов. Национальный Косовский миф, издавна присутствующий в сербском общественном сознании, использовался органами государственной власти на протяжении XX в., что способствовало воплощению в жизнь ряда важных политических решений: присоединению Косова и созданию государства югославян, гармонизации межнациональных отношений в СФРЮ и конструированию единой югославской нации, новому этническому размежеванию на Балканах и формированию сербской государственности в Боснии и Герцеговине.

¹ Лобанов В.В. Государственное управление и общественная политика. СПб., 2004. С. 17, 18, 176; Чиркин В.Е. Государственное управление. М., 2001. С. 12.

² Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 12.

³ Зелинский С.А. Манипуляции массами и психоанализ. СПб., 2008. URL: <http://psyfactor.org/lib/zel4.htm#8> (дата обращения: 25.02.09).

⁴ Косарев А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М., 2000. С. 6.

⁵ См.: Романенко С.А. История и историки в межэтнических конфликтах в конце XX века. Почему и как возрождается сознание «закрытого общества»? М., 1997; *Historijski mitovi na Balkanu: Zbornik radova*. Sarajevo, 2003; Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001; Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики // *Славяноведение*. 1995. №6. С. 3–13; его же. Ценность прошлого: этноцентрические и исторические мифы, идентичность и этнология // *Реальность этнических мифов*. М., 2000. С. 12–33; его же. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Lemarchand R. *Burundi: Ethnic conflict and genocide*. Cambridge, 1996. P. 19–30; Mamdani M. *When victims become killers: Colonialism, nativism, and the genocide in Rwanda*. Princeton, 2001. P. 45–49; Lomonosow M. *Metodologia historii wobec historycznej mitologii* // *Sofia*. 2007. №7. S. 85–100.

⁶ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2003. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul25.htm> (дата обращения: 25.02.09).

⁷ См.: Флере С. Причины распада бывшей Югославии: взгляд социолога // *Социс*. 2003. №5. С. 52–61. Автор цитируемой статьи убедительно опровергает точку зрения Д. Томазика.

⁸ Gottfried M. The events surrounding the Battle of Kosovo and its cultural effect on the Serbian people. URL: <http://www.kosovo.net/kosbitka.html> (дата обращения: 25.02.09).

⁹ Mulić J. *Velika Srbija, Musljudžimani i Bosna*. Sarajevo, 2006. S. 355–364, Љушић Р. Српска, великосрпска и југословенска државна политика Србије (1804–1918) // *Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе*. Београд, 2003. С. 287–313.

¹⁰ История Югославии. Т.1. М., 1963. С. 640; Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы: Балканские войны XX в. М., 2000. С. 103.

¹¹ Karadžorđević Aleksandar I. *Ujednitelj. Govori*. Beograd, 1991. S. 15–18.

¹² Томић Ј. Рат на Косову и Старој Србији 1912. године: из мојих дописа. Нови Сад, 1913. С. 120; Погодин А. События 1905–1913 // Рот К. История христианских государств Балканского полуострова. СПб., 1914. С. 118.

¹³ Karadžorđević Aleksandar I. *Ujednitelj*. Op. cit. S. 16, 18.

¹⁴ Trgovcević Lj. The Kosovo myth in the First World War // *Old Serbia and Albanians*. Beograd, 1999. URL: http://www.rastko.org.yu/kosovo/istorija/sanu/KOS_MIT.html (дата обращения: 25.02.09).

¹⁵ Цит.по.: Emmert Th. *Serbian Golgotha: Kosovo 1389*. New York, 1990. P. 133.

¹⁶ Томић Ј. Исто. С. 116.

¹⁷ Ibid. С. 118.

¹⁸ Искендеров П.А. Сербско-албанские отношения в начале XX в.: Мифы и реальность // *Двести лет новой сербской государственности*. СПб., 2005. С. 224.

¹⁹ Ломоносов М.Ю., Колобов А.В. Косовский миф и его хронология // *Истор. вестн. ун.тов Люблины и Перми*. Пермь, 2007. С. 110–111.

²⁰ Станковић Ђ. Сто говора Николе Пашича. Београд, 2007. Књ.2. С. 7.

²¹ История Югославии... С. 662; Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Указ. соч. С. 134–135.

²² Karadžorđević Aleksandar I. *Ujednitelj*. Op. cit. S. 26.

²³ Ibid. S. 50.

²⁴ Јовић М. Српска историја за народ (са сликама и песмама). Београд, 1914.

²⁵ Ibid. S. 219.

²⁶ Жујковић Ј. Отаџбина (књига за народ). Беседа Јована М. Жујовића, председника Сербске краљевске академије са српским ратним инвалидима на петровдан 1918 године. Београд, 1919. С. 5, 8.

²⁷ Државни Архив Црне Горе (далее – ДАЦГ). Ф. основне школе «Његош», Фасц. 12, Бр. 109.

²⁸ DAViH F. *Zemaljska vlada za BiH*. Sign. ZVBH-2. 1919. Br. 67–143, 1.1.

²⁹ Ibid. L. 5.

³⁰ Arhiv Jugoslavije. F. 66. *Ministarstvo prosvete Kraljevine Jugoslavije*, Fasc. 316. Br. 529. О празновању Видовдана 1924 г. в Сараево: DAViH. F. *Ministarstvo Prosvete. Odjeljenje za BiH u Sarajevu*. Sign. MPRO. 1924. Fasc. 1. Br. 337; Fasc. 2. Br. 833.

³¹ Državni Arhiv Bosne i Hercegovine (далее – DAViH) F. *Zemaljska vlada za BiH*. Sign. ZVBH-2. 1919. Br. 67–12; Prelog M. *Pregled istorije Južnih Slavena: Srba, Hrvata, Slovenaca*. Dio.1. Sarajevo, 1920.

³² Алешина Л. Августинчич – монументалист (к проблеме монументальной скульптуры Югославии последних десятилетий) // *Искусство соц. стран Европы на совр. этапе*. Киев, 1981. С. 161; Ее же. Антун Августинчич. М., 1988. С. 34.

³³ Конституция СФРЮ. М., 1966. С. 4–5; Конституция СФРЮ. М., 1975. С. 5; Броз Тито И. Избранные речи и статьи. Май 1941 г. – октябрь 1979 г. М., 1987. С. 131, 582, 585, 587–588 и др.

³⁴ ДАЦГ. Ф. Историјско друштво народне републике Црне Горе. Фасц. 1. Бр. 21837. Л. 31–36.

³⁵ Историја народа Југославије. Књ. 1 (до почетка XVI века). Београд, 1953. С. 415–420. См. также: *Enciklopedija Jugoslavije*. Zagreb, 1962. T.5. S. 335–337.

- ³⁶ Чопич Б. Гавран и Косовка // Сердце в буре: рассказы. М., 1962. С. 174-204.
- ³⁷ Мир Младена Србиновича. М., 1991.
- ³⁸ Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Бромлей Ю.В., Кашуба М.С. Брак и семья у народов Югославии. М., 1982.
- ³⁹ Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950-1980 гг.) М., 1991. С. 97-98.
- ⁴⁰ Milosevich's Speech Kosovo Field, 1989 / Introduction and historical note by Jared Israel. URL: <http://globalresistance.com/articles/jared/milosaid.html> (дата обращения: 25.02.09).
- ⁴¹ Илустрована историја Срба. Књ. 4. Пропаст српског царства. 1371-1389. Београд, 1991.
- ⁴² В албанском языке существует единственный топоним – Косово (Kosova). По-сербски возможны два варианта: Косово или Косово и Метохия. Последовательное употребление сербами названия Косово и Метохия стало в конце XX в. фактором этнического размежевания в крае.
- ⁴³ Косово у памћењу и стваралиштву. Београд, 1989; Константин Костенечки. Повест о словима: сказы о песменех (изводи). Житие деспота Стефана Лазаревића. Београд, 1989; Списи о Косову. Београд, 1993; Самарцић Р. Косовско определење: историјски огледи. Београд, 1990; Фајфрић Ж. Света лоза кнеза Лазара. Београд, 2000; Ђоровић В. Историја српског народа. Београд, 1997; Станојевић, С. Историја српског народа. Београд, 2006 и др.
- ⁴⁴ Саопштење САНУ о Косову и Метохији. 6 септембра 2007 г. URL: <http://www.sanu.ac.yu/Novosti> (дата обращения: 25.02.09).
- ⁴⁵ Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1991-1992). Т.1. М., 1992. С. 149-150, С. 286-287; Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М., 2001. С. 267-268.
- ⁴⁶ Sajkas M. The fall from the Heavens to civil war // Contexts. 2005. P. 5, 8.
- ⁴⁷ Валецкий О.В. Югославская война. 1991-1995 гг. М., 2004. URL: <http://militera.lib.ru/research/valetsky/12.html> (дата обращения: 25.02.09).